

© Н. Найт

ЧТО МЫ ИМЕЕМ В ВИДУ, ГОВОРЯ О РАСЕ? МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ РАСЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Ключевые слова: раса, Российская империя, представления о разнообразии, этничность, история антропологии, крепостное право

Феномен расы нечасто выходил на первый план в дискуссиях о социальной и культурной истории Российской империи. В последнее время появился ряд книг и статей, поднимающих вопрос о роли расы в российских представлениях о человеческом разнообразии. Недостаточно внимания, однако, было уделено эпистемологическим затруднениям, связанным с понятием расы. Проблемы и сложности, препятствовавшие ученым в нахождении консенсуса в этом вопросе, рассматривает данная статья. Автор предлагает подход, позволяющий соотнести различные способы описания разнообразия с его объяснением с помощью термина “раса” и понять, в какой степени концепция расы определяет данное культурное пространство. На основании предложенного подхода автор рассматривает феномен расы в Российской империи, выявляя несколько важных факторов, которые могли препятствовать формированию влиятельного расового дискурса.

С начала 1990-х годов появилась обширная литература, посвященная национальности, этничности и концепциям этнического разнообразия Российской империи и Советского Союза, а также их влиянию на управление, культуру и повседневную жизнь¹. Феномен расы, однако, привлек сравнительно мало внимания. Только относительно недавно стали появляться работы, пытающиеся рассматривать понимание человеческого разнообразия в России с точки зрения расы. Ученые, работающие в этом направлении, стремятся представить свои исследования как устраняющие дисбаланс в историографии, корректирующие взгляды, принижавшие важность понятия расы, и рассматривающие российский дискурс о расе в соответствующем интернациональном контексте. Марина Могильнер, чья работа по истории российской антропологии в значительной степени создала предпосылки для современных дискуссий о расе в России, пишет:

Тем не менее отношение к категории расы в российском контексте, несмотря на оживление интереса к этому феномену, особенно среди специалистов по истории советского периода, и по сей день остается элементом исторического дискурса

Натаниел Найт | <http://orcid.org/0000-0001-8065-4044> | Nathaniel.Knight@shu.edu | профессор | Университет Сетон-Холл (South Orange, NJ 07079, USA)

Sonderweg (“особого пути”), фиксации на уникальности “имперской архаики” и в конечном итоге концептуальной “ориентализации” России (Могильнер 2008: 8).

Однако то, что расовый дискурс в России в значительной степени ускользнул от внимания исследователей, само по себе заслуживает объяснения. Это вряд ли можно списать на недосмотр — неспособность увидеть критически важное понятие, скрывающееся у всех на виду. Идеологические пристрастия или скрытые мотивы также не могут служить убедительным объяснением. У России было более чем достаточно друзей и недругов, и ни одна из сторон не упустила бы возможность привлечь внимание к расовому дискурсу для подкрепления своей позиции. Могильнер указывает на такие заслуживающие внимания факторы, как этническое разнообразие и смешанность населения России — но они сами по себе не объясняют, почему значение расового дискурса и расовой идеологии преуменьшалось. Возможно, следует обратиться к концепту расы как таковому. Понятие расы, как известно, очень расплывчато, неустойчиво в значениях и коннотациях, чревато конфликтами и морально скомпрометировано. Изучение истории расового дискурса — непростое занятие, особенно в Российской империи. Данная статья — попытка разобраться в природе сложностей, связанных с этой темой, рассмотреть специфику российского контекста и предложить подходы к пониманию природы и глубины проникновения расовой мысли в России. Не претендуя на последнее слово в обсуждении этой сложной и важной проблемы, автор надеется, что данные идеи будут способствовать формированию рамок дискуссии.

Вызовы расы

Размышления о сущности расы — это движение от осязаемого к неуловимому, от явного к смутному. Раса представляется зафиксированной в человеческом теле и на его поверхности, претендует на статус универсальной характеристики всех индивидов. Вопрос различных анкет о расовой идентичности, с которым регулярно сталкиваются американцы, отражает эту претензию на универсальность: можно выбрать ответ “другая”, но варианта “отсутствует” не предусмотрено. Тем не менее предлагаемые категории самоидентификации нельзя считать последовательными. Так, категория “белые” в разное время использовалась для исключения ирландцев, итальянцев, славян и евреев, однако до сих пор формальное определение “кавказская раса” (европеоидная раса) включает персов, арабов, тюрков, а также собственно выходцев с Кавказа, порой уничижительно называемых в России “черными”. Мексиканцы и другие латиноамериканцы с 1950-х годов причислялись правительством США к “белым”, несмотря на широко распространенную расовую дискриминацию в повседневной жизни. Эта дискриминация была признана, и были приняты меры к ее устранению только после введения отдельной расовой категории². Тем не менее возникшая категория “латиноамериканцы/испаноязычные” (*Hispanic*) включает индивидов самого разного происхождения. Раса, отождествляемая в массовом сознании с представлением о биологически наследуемых признаках, в равной степени является отражением способности власти создавать и поддерживать категории различия. Раса — не просто средство самоидентификации, но зачастую — предписываемая идентичность, навязываемая механизмами власти на разных уровнях (от символического и дискурсивного до силового и бюрократического) и служащая поддержанию социального порядка, иерархических структур и неравенства.

Поскольку расовые категории не являются непротиворечивым следствием коренящихся в природе различий, они широко варьируются в зависимости от страны и эпохи. Даже в начале XX в., когда расовое мышление достигло своего зенита в Европе и Северной Америке и можно было бы ожидать консенсуса относительно ра-

совых различий, эксперты — биологи, антропологи и социологи — предлагали ошеломляющее разнообразие категорий и схем, в которых отсутствовало согласие даже по такому основополагающему вопросу, как точное количество рас. Ученые-расоведы стремились обосновать свои концепции количественными данными объективных измерений, но предлагаемые ими расовые классификации были неотделимы от культурного, политического и интеллектуального контекста, их породившего.

Расплывчатость расовых классификаций становится проблемой, когда ученые пытаются проследить концепции расы вне культурных контекстов, в которых они возникли. Эти поиски предполагают, что мы знаем, что ищем, другими словами, что существует устоявшееся определение расы, делающее этот концепт “переводимым” и узнаваемым в других эпохах и культурах. В отсутствие такого понятия можно определять “расу” в терминах данной культуры/эпохи вне зависимости от некоей универсальной дефиниции и затем использовать получившееся определение, чтобы идентифицировать то, что изучается в качестве “расового”, или априори решить, что представляет собой “раса”, и затем искать ее в конкретных практиках, вне зависимости от того, осмыслились ли они как расовые. В любом случае идея расы приобретает дезориентирующую эластичность, видоизменяясь в зависимости от феноменов, для описания которых ее пытаются использовать. Даже представление о неизменных биологических отличиях — ближайший эквивалент универсального определения расы — берется под сомнение современными исследователями. Прослеживая понятие расы в России в XIX в., Вера Тольц пишет:

Когда речь шла о человеческих существах, это понятие использовалось не только при описании групп, объединенных общими физическими признаками (как этот термин обычно понимается сегодня), но также и человеческих коллективов, определяемых по культурным, религиозным, лингвистическим, этническим и географическим характеристикам и даже стереотипным чертам характера (Тольц 2012: 146).

Даже когда язык расы в явном виде не используется, расовая категоризация, как считают некоторые ученые, возможна. Эрик Вайц утверждает:

Хотя чаще всего считалось, что расовые различия базируются на фенотипе, раса, в сущности, касается не цвета кожи, а приписывания неизменных черт определенным группам. Следовательно, этнические группы, национальности и даже социальные классы могут быть “расиализированы” в определенных исторических эпохах или странах (Weitz 2002: 7).

В представлении Вайца любая жесткая социальная категоризация, навязываемая извне, может считаться разновидностью расы. В этом есть доля истины, однако хочется понять, где границы этой размытости и не движемся ли мы в сторону практически безгранично широкого толкования, при котором раса везде, где угодно, и нигде.

Одним из ответов на сложности в определении расы является методология истории понятий (*begriffsgeschichte*), с помощью которой можно проследить как изменения в использовании данного слова, так и его разнообразные подтексты. Однако этот подход может быть обманчивым, поскольку расовые идеи и практики не зависят от специализированной терминологии, включая само слово “раса”. Так, словарные дефиниции расы появляются позднее расовых практик. В знаменитой энциклопедии Дидро и Д’Аламбера, опубликованной в 1751–1765 гг., слово “раса” определяется только в терминах генеалогий и общего происхождения и относится главным образом к знати, хотя и отмечается, что англичане используют его применительно к породам лошадей (Morrissey 2013: 740). Исходя из этой информации, можно было бы заключить, что расовая идеология в эпоху Просвещения отсутствовала и была разработана позднее. Однако достаточно беглого знакомства со статьей “Негр” в той же энциклопедии, чтобы отбросить все сомнения относительно уже

твердо укоренившихся к тому времени расовых установок. Фактически, как я покажу ниже, к середине XVIII в. и теория, и практика расовой дифференциации были вполне устоявшимися.

Эксплицитное применение расовой терминологии не обязательно несло с собой большую ясность в понимании и применении расовых концепций. По мере того как слово “раса” выходило на передний план в описании физических различий человечества, его более ранние смыслы, отсылавшие к генеалогии или любой категории людей и животных, продолжали существовать. Появление научного расового дискурса во второй половине XIX в. еще более запутало ситуацию. Физические и лингвистические классификации зачастую переплетались. Дискурс арийской расы, основанный на идее родства индоевропейской семьи языков, — наиболее часто цитируемый пример, однако похожее смешение языка и расы существовало и в изучении американских индейцев³. К середине XIX в. в расовое мышление проник национализм, усложняя и вытесняя старые схемы, главным образом классификацию Иоганна Фридриха Блюменбаха с ее пятью расами, определявшимися цветом кожи⁴. Социальные дарвинисты вроде Сесилия Родса и Карла Пирсона говорили о существовании наций в качестве биологических единиц, описываемых как расы и конкурирующих в беспрестанной “борьбе за выживание”. Более осторожные исследователи, такие как Жозеф Деникер, не отождествляли расу с этничностью, но разрабатывали собственные сложные и в значительной степени произвольные расовые классификации (*Deniker* 1886—1902: 12—26). Таким образом, применительно к XIX в. нельзя сказать с уверенностью, как понимался термин “раса” и где были его границы.

Принимая во внимание отсутствие устойчивой концепции и сложность проследивания меняющихся значений расы, можно надеяться по крайней мере опереться на базовые принципы методологии историзма — понимания прошлого в его собственных терминах, избегая проецирования на него современных представлений и ценностей. Однако это не так просто, как кажется, по уже упомянутым причинам: идентифицировать расовый или расиализированный дискурс можно, только уже имея готовое представление о том, как он должен выглядеть. Впрочем, даже избежав этой ловушки, крайне сложно очистить концепцию расы от морального клейма, полученного из-за ее ассоциации с самыми ужасными событиями Нового времени. Раса — далеко не невинный инструмент анализа и классификации. Представляя человеческие качества как неизменные телесные характеристики, раса в своей наиболее вредоносной интерпретации служила оправданию и рационализации таких преступлений, как американское рабство, колониальный геноцид и нацистский холокост. Применяя термин “раса” в историческом нарративе, крайне сложно избежать инкриминирования расизма, который так часто этот термин сопровождал. Оправданно ли это? Вопросы, которые многие так наз. расоведы задавали относительно расселения человечества и взаимоотношений между различными популяциями, в значительной степени те же самые, что ныне изучаются при помощи методов анализа ДНК и генома. Должны ли мы обвинять ученых прошлого за то, что они задавали легитимные вопросы, но не имели легитимных методов для их исследования?

Так как же подходить к изучению концепта расы? Учитывая обширную литературу по данной теме, слишком самонадеянно давать готовые рецепты, однако все же решимся предложить некоторые методологические стратегии, которые могут способствовать более плодотворному исследованию роли идеи расы в российской культуре.

Концептуальные основы изучения разнообразия

Проблема расы — один из тех случаев, когда означающее может зажить собственной жизнью, оттесняя означаемое: концепт уплотняется до такого состояния, что мы уже теряем представление о том, что собственно он передает. Альтернативой этому

может быть стратегия некоторого отстранения от специфического языка расы и рассмотрения этой идеи с функциональной точки зрения: какую концептуальную работу выполняет данный термин? Я бы сказал, что прежде всего раса служит инструментом описания социальных различий — наряду с другими концептами, облегчающими ориентацию в социальном пространстве. Термины различия, такие как “раса”, способствуют объединению индивидов в группы с определенными характеристиками, этими группами легко управлять и достаточно просто их иерархизовать. Однако поскольку раса — не единственное средство определения различий, возникают вопросы относительно ее специфики. Это важный пункт, учитывая упоминавшуюся выше тенденцию рассматривать любой тип эссенциализма сквозь призму расы. Если раса становится метафорой на все случаи жизни, включающей при помощи таких понятий, как “расиализация”, практически все формы социальных различий, нужны ли нам по-прежнему понятия “этничность”, “культура” или даже “класс” для обозначения элементов, составляющих общество? Что мы теряем, отбрасывая эти альтернативные средства описания различий? Для ответа на эти вопросы необходимо внимательнее изучить, как разграничивается социальное пространство.

Для начала следует указать на различие между вертикальным и горизонтальным типами социальной идентификации. В вертикальных — социальное образование рассматривается как единое целое и определяется по отношению к одному или нескольким внешним “другим”. Горизонтальные идентификации, напротив, подчеркивают в качестве основной оси различий внутренние подразделения между секторами с высокими и низкими статусами, определяемыми как классы, касты, сословия, профессиональные и образовательные группы. Такие концепты, как “раса” и “этничность”, функционируют главным образом в области вертикальной идентификации. Индивиды считаются принадлежащими к расе или этнической группе вне зависимости от достатка, образования, профессионального или социального статуса, со всеми вытекающими отсюда последствиями⁵. Однако не все виды вертикальной идентификации действуют одинаково.

Виды вертикальной социальной идентификации могут быть представлены графически в системе координат с двумя перпендикулярными осями, одна из которых показывает различия между изменяемыми и неизменными маркерами идентичности, вторая — дихотомии духовного и материального, идей и вещей, разума и тела. Первая ось отражает разницу между фиксированными, “жесткими”, и изменяемыми, “мягкими”, формами социальной идентичности, приписываемым и достигнутым статусом. Вторая — обозначает различия, считающиеся, с одной стороны, физическими, осязаемыми и измеряемыми или квантифицируемыми, а с другой — неосязаемыми атрибутами, выражаемыми через социальное взаимодействие, знания, язык или другие практики, считающиеся элементами культуры. В итоге возникает четырехчастная типология, определяемая двумя характеристиками (фиксированные и осязаемые, изменчивые и осязаемые, фиксированные и неосязаемые, изменчивые и неосязаемые), причем каждый из четырех типов может быть разной степени “чистоты”. Различия между повседневным пониманием расы и этничности в целом прослеживаются вдоль оси “материальное—культурное”: раса понимается как форма идентичности, укорененная в теле, тогда как этничность выражается в нематериальных элементах культуры. Они, однако, пересекаются: расовая идентичность усиливается культурными механизмами, а этничность находит осязаемое выражение в материальной культуре. На перпендикулярной оси раса в целом попадает в сектор неизменных, а этничность — изменяемых характеристик, хотя бывают и исключения. К примеру, теории географического детерминизма и ламаркизма утверждают, что расовые характеристики формируются под влиянием окружающей среды и могут передаваться последующим поколениям⁶. Напротив, в жестком эссенциалистском представлении об этничности или национальности они приобре-

тают характер фиксированных категорий. Однако фиксированными в данном случае являются именно категории, а не индивиды, к ним относящиеся. В любом случае пересечение этнических границ с помощью билингвизма, культурной ассимиляции, миграции и т.п. легче, чем пересечение границ расовых, когда маркер отличия зафиксирован прямо на теле. Относительная свобода пересечения этнических границ — важное отличие “расы” от “этничности”, свидетельствующее о сохраняющейся ценности последней категории как аналитического инструмента.

Рассматривая данные различия, важно помнить, что ключевым является то, как эти концепты понимаются. Даже если мы ассоциируем концепцию расы с материальной сферой, она остается дискурсивным конструктом. Физические черты, служащие основой расовых классификаций, могут быть объективной реальностью, но значение, придаваемое им в качестве маркеров отличия, — это продукт культурно обусловленной системы идей. Более того, расовый дискурс не следует рассматривать лишь с двух позиций: либо он есть, либо нет. Напротив, он может проявлять себя в разной степени, с различной интенсивностью и набором тропов. Таким образом, следует спрашивать не о том, существовал ли расовый дискурс в определенном контексте, но, скорее, в какой степени и в какой форме он проявлялся. Данная перспектива позволяет проследить, насколько глубоко он проник в российский контекст и каково было его влияние.

Я предлагаю схему процесса проникновения расового дискурса в определенную культуру из четырех стадий, где достижение максимума означает полноценный расовый режим. Она не обязательно подразумевает переход от одной стадии к другой, хотя такая вероятность, конечно, существует.

- Первая стадия — признание различий. Разнообразие — неизбежный элемент человеческого опыта. Только через физические различия мы познаем друг друга как индивидов. В большинстве случаев этого признания индивидуальности достаточно: мы отмечаем определенные черты — пол; цвет волос, глаз и кожи; форму лица; рост и вес, — идентифицируем человека и идем дальше. Здесь еще нет представления о расе. Даже систематические попытки измерять, вычислять и изучать географическое распределение этих различий не обязательно указывают на расовый дискурс.

- Вторая стадия — категории групповой идентичности. Для появления расового дискурса необходимо признание того, что индивидуальные отличительные особенности могут быть основой выделения групповой идентичности. В большинстве случаев (сатирические песни и плохие шутки не в счет) индивидуальные особенности не подходят для конструирования коллективных идентичностей. Однако некоторые черты, чаще всего их комбинации, могут служить для идентификации людей не только как индивидов, но и как членов групп. Эти группы могут соответствовать или не соответствовать идентичностям, основанным на этничности или культуре. Признание групп, основанных на определенных физических чертах, также не обязательно подтверждает представления об их статусе, способностях и достоинствах. Мы можем признавать, что определенный разрез глаз свидетельствует о восточно-азиатском происхождении индивида, однако не обязаны подразумевать, что это говорит нам что-нибудь о его/ее интеллекте, характере или физических способностях. На этом уровне можно говорить о расе, но не обязательно — о расизме.

- Третья стадия — биологический детерминизм. Новый уровень расового дискурса достигается тогда, когда физические черты, обозначающие групповую идентичность, связываются с менее осязаемыми характеристиками, отражающими достоинства индивида. Так, цвет кожи или форма черепа могут считаться указывающими на умственные способности, здравомыслие, моральные устои, таланты, склонности и т.д. Из этих корреляций неизбежно вырастает иерархия. Группы, которые, как считается, обладают наиболее ценными чертами, провозглашают свое превосходство, а порой и право в силу превосходства своей природы завладеть

ресурсами и даже жизнями низших рас. На этой стадии мы можем говорить о полностью сложившемся расовом дискурсе.

- Четвертая стадия — расовый режим. Когда расовые категории определены, снабжены фиксированными характеристиками и выстроены в ценностную иерархию, они могут становиться категориями практики. Почти всегда это предполагает использование государственной власти в интересах господствующей расы. Такие действия могут быть явными и открытыми. Расовое неравенство может быть встроено в законодательные и исполнительные структуры; расовое насилие может быть санкционировано судебным решением или административным распоряжением и осуществлено военными или полицией. Даже там, где государство напрямую не вовлечено в такие действия, его присутствие ощущается. Самосуды, суды Линча и погромы, якобы спонтанно возникающие снизу, редко достигают критического уровня и становятся привычными без попустительства властей, что способствует созданию атмосферы безнаказанности. Следует, однако, отметить, что дискриминационная политика или массовая жестокость не обязательно связаны с расовыми признаками. Другие виды групповой идентичности, особенно этничность и класс, легко могут усилиться до такой степени, что приведут к подобным действиям.

Установив теоретическую рамку обсуждения степени проникновения расового дискурса, мы можем теперь обратиться к рассмотрению российского контекста. В целом мой тезис состоит в том, что большая часть (хотя и далеко не весь) расового дискурса в Российской империи, особенно до последних десятилетий XIX в., относится к первым двум ступеням изложенной выше схемы. Подробное обсуждение данной темы выходит за рамки возможностей этой статьи, но я надеюсь осветить некоторые моменты, касающиеся специфики российского контекста, и представить несколько соображений относительно хронологии.

Российская специфика

Я полагаю, что большинство историков России вне зависимости от их взглядов не будут оспаривать присутствие идеи расы в российской культуре. Помимо прочего, близкое сотрудничество российских и западноевропейских интеллектуалов, живой обмен идеями и частота путешествий русских за рубеж обусловили проникновение европейских представлений о расе в российскую интеллектуальную среду. Вопрос, таким образом, не в присутствии или отсутствии расовых идей в российской культуре, но, скорее, в вызванном ими резонансе, в том, как они, проникая в новый контекст, усиливаются, отражаются, становятся менее явными или блокируются полностью уже существующим спектром дискурсов. Исследуя эту специфику, я отказываюсь соглашаться с тем, что это является утверждением некоего особого пути (*sonderweg*), попыткой создать некую сферу национальной исключительности. Ведь если бы мы отрицали способность проводить различия и отмечать специфику, компаративистская историография не имела бы смысла. На следующих страницах я хотел бы обсудить два примера такой специфики, которые, я полагаю, иллюстрируют некоторые пути рецепции идеи расы, обусловленные российским контекстом.

А. Прочерчивание границ. Режимы, основанные на резко артикулированных расовых различиях (четвертая стадия вышеизложенной схемы), часто ассоциируются с колониальной ситуацией, когда значительное количество европейских поселенцев жило среди местных групп, выделяя себя на основании явных физических различий. Расовая идеология в таких случаях выступает в роли мощной технологии власти, поддерживающей разделение и подчинение коренных народов европейцам при помощи утверждения неустранимого различия. Южная Африка, Французский Алжир, Голландская Восточная Индия и Британская Индия дают классические примеры таких

расовых режимов, а также того, как конструкции расы, культивировавшиеся в этих очагах колониализма, возвращались обратно в метрополии.

Такая резкая артикуляция различий выражена менее явно в российском контексте. Со времен раннего проникновения восточных славян на евразийскую равнину процесс смешения и ассимиляции часто доминировал над разграничением. Появление отдельной великорусской этничности, как правило, связывается со смешением славянских поселенцев с индигенными финскими народами — первоначальными обитателями центральной части территории расселения русских. Отношения со степными кочевниками знали периоды сотрудничества и даже смешения элит в результате браков. Мирные отношения, возможно, не были нормой, однако набеги, взятие заложников и работорговля также обеспечивали смешение населения. В результате к западу от Урала, с возможным исключением калмыков, переселившихся из Монголии в XVII в., население представляло собой разнообразный спектр физических типов без четких различий между группами, выделявшимися на основе этнической культуры.

Колонизация Сибири могла послужить укоренению расового режима. Однако малочисленность русских поселенцев, слабость государства, суровые природные условия и связанная с этим зависимость пришельцев от коренных народов послужили ослаблению представлений о фиксированных и неизменных различиях. Как показал Виллард Сандерленд, к концу XIX в. русская образованная общественность была обеспокоена, обнаружив, что вместо утверждения жесткой культурной и физической дистанции между собой и туземцами русские поселенцы зачастую ассимилировались местными сообществами (Sunderland 1996). Только по мере экспансии в Среднюю Азию в последние десятилетия XIX в. стала формироваться более привычная колониальная конфигурация, которая, однако, была прервана революцией и ослаблена классовыми антагонизмами в среде русского населения⁷.

Таким образом, когда этнографы XIX в. принялись изучать население империи, особенно ее европейской части, они часто обходили концепцию расы стороной не столько потому, что не осознавали ее существования, сколько из-за ограниченности ее эвристической ценности в отношении вопросов, представлявших наибольший интерес. Николай Надеждин в своем основополагающем докладе 1846 г. о задачах и методах этнографии и в последующих этнографических вопросниках рассматривал физико-антропологические характеристики как один из элементов интегрированной совокупности черт, отражавших национальные особенности (народность) данного населения. Тем не менее рассуждения Надеждина о физических чертах оставались в основном в рамках вышеуказанной первой стадии. Практически нет свидетельств того, что он считал их главным критерием установления групповой идентичности. Напротив, он отмечал, что попытки классифицировать расы только на основании краниологических измерений и других физических характеристик еще не дали убедительных результатов. Он признавал, что среди менее развитых народов физические отличия могут быть более выражены, но предполагал, что цивилизация “имеет силу возводить физические различия народов как будто к общему однообразному виду” (Надеждин 1847: 75). Таким образом, в отношении народов, которые интересовали его в наибольшей степени, а именно этнических русских и их соседей-славян, классификация по физическим признакам или расе мало давала для понимания сущности народности (Там же: 75)⁸.

Б. Наследие неволи. Много копий было сломано в спорах о том, было американское рабство причиной или следствием расизма⁹. Но — возникло ли сначала по экономическим причинам рабство, а позднее расовая идеология как его оправдание или, что мне кажется более вероятным, рабство стало возможным благодаря уже имевшимся предрассудкам — то, что между ними существовала та или иная связь, не вызывает сомнения. Уже в 1660-е годы создается правовой аппарат, низводящий

африканцев и их потомков, включая детей от смешанных браков, к пожизненному наследственному рабству. К концу века принцип, согласно которому “черные” считались особой низшей формой человечества, а рабство — их естественным состоянием, утвердился в североамериканских колониях. Отмена рабства полтора века спустя мало изменила ситуацию: расовые отличия продолжали занимать центральное место в американской жизни. Освобождение рабов привело к тому, что юридическое оформление фиксированных расовых категорий стало насущной необходимостью для поддержания режима сегрегации в отсутствие рабовладения. Таким образом, идея расы, проявляющаяся главным образом в четком разделении “черных” и “белых” и во многом определяющая жизнь американцев, стала непреложным фактом социального, политического и экономического устройства, до сих пор диктующим повестку дня.

Принудительный труд оставил неизгладимый след и в российской истории. Как показал Питер Колчин, американское рабство и российское крепостничество были вызваны схожими экономическими причинами и породили схожие модели социальных отношений и злоупотреблений (*Kolchin* 1987). Однако в одном отношении российское крепостничество значительно отличалось от американского рабства. Несвободное население физически было неотличимо от своих хозяев; и те и другие признавали свое общее происхождение. Конечно, в XVIII в. существовал дискурс о темноте, грубости и звероподобии несчастных крепостных. Однако по всей России тех же крестьян наряжали в пышные одежды для исполнения ролей аристократов, купцов и аллегорических героев античности на сцене крепостных театров¹⁰. На портретах того времени крепостные часто изображались в изысканных нарядах или стилизованных национальных одеяниях (*Вишленкова* 2011: 83–84). Этнические или расовые различия, если и фиксировались, то скорее при помощи костюма, тканей или предметов обихода, чем физических черт (*Вишленкова* 2011: 83–84; *Knight* 2010). Даже во времена расцвета крепостничества российская знать не создала эквивалент польского сарматизма, утверждавшего происхождение шляхты от древних воинов-кочевников, не связанных родством со славянским простонародьем (*Zamoyski* 1988: 107–108)¹¹. Подъем романтического национализма в начале XIX в. еще более размыл границы, и “народ” стал восприниматься носителем наследия древней Руси.

Несмотря на отсутствие риторики природных различий, барьер, разделявший привилегированную элиту и крепостные массы, оставался непреодолимым. Редкие случаи, вроде истории Александра Никитенко, получившего свободу, только показывают, насколько мощными были эти социальные и юридические барьеры даже для тех, кому удавалось полностью избавиться от образа темного мужика (*Nikitenko* 2001)¹². В американском рабовладельческом обществе действовало правило “капли крови”, закрывавшее доступ в общество белых даже для тех людей и их потомков, чье родство с африканцами было практически незаметно. Схожим образом свобода оказывалась недоступной даже для тех русских крепостных, чье образование, богатство и заслуги выводили их далеко за пределы крестьянского мира. С отменой крепостного права возникла необходимость поддерживать прежние разграничения другими средствами. Так же, как в США законы Джима Кроу 1880–1890-х годов покончили с надеждами на равенство периода Реконструкции, эпоха контрреформ в России с ее усилением сословных перегородок поставила под сомнение идею равноправного гражданского общества эпохи Великих Реформ.

Тем не менее, несмотря на все параллели в юридическом оформлении социальных различий в США и Российской империи в до- и послереформенный периоды, существовало одно фундаментальное различие: в США стратификация осуществлялась вдоль вертикальной оси расы, тогда как в России — по горизонтальной оси сословия. Таким образом, раса оставалась движущей силой американской культуры, политики и общественной жизни на протяжении всего XX в., влияя на все — от кон-

фигурации городского пространства до популярной культуры и политической мифологии. Напротив, в России великие потрясения XX в. были обусловлены наличием социальных элит, чьи привилегии определялись их местом в “вертикали власти”. “Объединенное дворянство” после 1905 г., пролетарская диктатура, сталинская бюрократия, геронтократическая номенклатура брежневского и бандитская клептократия ельцинского периодов — вся история России XX в. представляет собой историю попыток элиты получить, удержать и передать доступ к власти. Поскольку элита определялась по контрасту с безвластной массой, она могла себе позволить быть сравнительно инклюзивной. Так же как старая имперская знать включала немецких балтийских баронов, польских магнатов и шляхту, казахских ханов и султанов, татарских мирз и беков, грузинских тавади и бессарабских бояр, так и большевистская элита приняла людей с такими фамилиями, как Каганович, Радомысльский-Апфельбаум (Зиновьев), Розенфельд (Каменев), Дзержинский, Орджоникидзе, Микоян, Берия и, наконец, Джугашвили. Поскольку позиция в элите определялась близостью к власти и эксклюзивностью привилегий, расовая демаркация была не столь важна для определения места в иерархии.

Хронология. Когда раса появилась в России?

Особую сложность для историков культуры представляет периодизация расовых дискурсов. Как отметила Анна Лаура Столер, попытки найти истоки современного расизма приводят к самым разным датам: от конца XVI до XX в. Можно найти аргументы в пользу того, что предпосылками появления расизма были эмпиризм, универсализм, капитализм, рабство и его отмена, подъем биовласти и становление структур модерного государства (Stoler 2002). Возможно, Столер права, и проблема заключается в многослойной структуре идеологий — новые конфигурации возникают из фрагментов прежних. Но что делать с ситуациями, в которых расовые идеи заимствуются из одного культурного контекста и переносятся в другой? В данном случае, пожалуй, наиболее важным является не столько момент контакта, сколько момент резонанса, когда идеи приобретают смысл в новом контексте и вызывают реакцию.

Эти соображения могут быть полезны в связи с хронологией, предложенной Вейрой Тольц в статье о концепции расы в России. Доказывая важную роль расовой идеологии в Российской империи, Тольц делает два взаимосвязанных утверждения: во-первых, западные дискурсы о расе оформились позднее, чем обычно считается, завершив первую стадию и сформировавшись в своем нынешнем виде только к середине XIX в.; во-вторых, идея расы начинает укореняться в России в тот же период; а значит, по ее мнению, развитие расовых идей в России происходило в то же время, что и в Западной Европе, и следовало тем же этапам. Эти утверждения, на первый взгляд, кажутся убедительными, однако их убедительность проистекает из ряда натяжек, в особенности касательно раннего периода. Развитие западноевропейских расовых идей вписывается в ее схему только при условии исключения из рассмотрения Северной Америки и Атлантического мира и концентрации исключительно на научных концепциях расы. Более того, постулируя долгий недифференцированный период (1750—1850-е годы), она игнорирует важные переходные моменты, что позволяет представить развитие расового мышления вплоть до XIX в. более-менее равномерным.

Историки расы, однако, проследили развитие расовых идей начиная с гораздо более ранних периодов. Как мы видели, юридические документы, определявшие рабовладельческие институты в американских колониях в явно расовых терминах, относятся к 1660-м годам (Gossett 1997: 29—30)¹³. Первая систематическая современная расовая таксономия была опубликована французским автором травелогов Франсуа Бернье в 1684 г. (Baum 2006: 52—65)¹⁴. Вскоре Готфрид Вильгельм Лейбниц также

внес свою лепту, вслед за классификацией Бернье приписывая расовые различия влиянию климата (Hudson 1996: 252–253)¹⁵. Карл Линней воздержался от рассуждений о причинах разнообразия, однако в своей классификации пошел дальше, поместив человечество в единую систему описания природы. В своем главном труде *Systema naturae*, опубликованном в 1735 г., Линней не использовал термин “раса”, но разделил человечество на четыре типа в зависимости от географии и цвета кожи, поместив на вершину *homo sapiens europeus albus*. Соперник Линнея Жорж Луи Леклерк де Бюффон, по-видимому, был первым, кто использовал термин “раса” как инструмент научной классификации в своей работе *Histoire naturelle*, опубликованной в 1749 г. Будучи моногенистом, Бюффон постулировал развитие рас как процесс “вырождения” изначального предка (Baum 2006: 68–71).

Таким образом, задолго до 1750 г. американские законодательные акты были основаны на очевидно расовых категориях; расовые иерархии, исходящие из наследственного превосходства белых, уже укоренились; классификационные схемы деления человечества на расы были предложены; теории, объясняющие феномен расового разнообразия, были выдвинуты. Развитие по этим направлениям продолжилось во второй половине XVIII в., к середине которого преадамитские и полигенистские взгляды, истоки которых уходят в XVII в., становились все более распространенными. Полигенизм привлекал таких скептиков, как Вольтер, видевших в нем средство для подрыва доверия к библейскому нарративу. Однако, как показал Дэвид Ливингстон, среди наиболее ранних авторов, высказавших предположения о возможности отдельного сотворения разных рас, были протестантские теологи (см.: Livingstone 2008). В 1774 г. шотландский юрист лорд Генри Хоум Кеймс создал наиболее развернутую научную полигенистскую теорию эпохи Просвещения. Отвергая представление о том, что человеческое разнообразие сложилось под влиянием климата, Кеймс поменял местами причину и следствие, предположив, что различные расы были созданы богом для жизни в разных климатических условиях (Livingstone 2008: 57–60; Baum 2006: 63). Идеи Кеймса были прохладно встречены шотландскими современниками, однако они были достаточно популярны, чтобы его книга была переведена на немецкий в 1774–1775 гг. Скорее всего, среди ее читателей был Иммануил Кант, взявшийся за разработку идеи расы в ответ на полигенизм Кеймса (см. об этом: Zammito 2006). В своей статье “О различных человеческих расах”, опубликованной в 1775 г. и переработанной двумя годами позднее, Кант твердо придерживается идеи общего происхождения человеческих популяций, разделившихся на расы под влиянием природных условий (Shell 2006). В том же году Блюменбах защитил диссертацию “О природных разновидностях человеческого рода”, в которой привел эмпирические данные сравнительной анатомии для доказательства моногенизма, а также выдвинул идею человеческого разнообразия, предложив свою, ставшую впоследствии влиятельной классификацию, предусматривающую (раз)деление человечества на четыре типа во главе с “кавказской” расой. К концу XVIII в. сравнительная анатомия была сформировавшейся дисциплиной, использовавшей новые приемы краниологии, такие как “лицевой угол” Петруса Кампера, для исследования проблемы человеческого разнообразия с эксплицитно расовой точки зрения¹⁶.

Основываясь на вышеизложенном, я предложил бы модифицировать хронологическую схему Толъца и представить ее в виде трех этапов, разделенных 10–20-летними переходными периодами. Начальный этап, с 60-х годов XVII в., отмечен формулированием представлений о расовых различиях, основанных на неизменяемых физических качествах, и тем, что впервые были предприняты попытки идентифицировать и классифицировать основные расы. В 1770-е годы с работ Канта, Блюменбаха, Мейнерса и других естествоиспытателей начинается переходный период, ведущий ко второму этапу, на котором раса вступает в область экспериментальной

науки благодаря сравнительной анатомии и краниологии. Новый переход начинается с 1840-х годов с появлением позитивизма, материализма, эволюционизма (как дарвиновского, так и антропологического) и все более явной тенденции формулировать претензии европейских национализмов в расовых терминах.

Россия не слишком гладко вписывается в эту пересмотренную хронологическую схему. В первый период, когда расовое мышление формировалось в Западной Европе и в Северной и Южной Америках, обнаружить его следы в России довольно сложно. Фактически в это время здесь только складывается инфраструктура интеллектуальной жизни, в рамках которой расовый дискурс мог иметь место. Система образования только формировалась, университетов до 1750-х годов не существовало, да и позднее Московский университет оставался единственным в стране. Академия наук почти полностью состояла из иностранных ученых, окончивших в основном немецкие университеты. Несомненно, это была эпоха великих “академических экспедиций”, в 1730-е годы возглавляемых Всеволодом Миллером, в 1760-е годы — Симоном Палласом. Однако, хотя результаты экспедиций дали богатый материал для исследователей человеческого разнообразия в Западной Европе, практически нет свидетельств того, что их непосредственные участники сколько-нибудь явно и последовательно интересовались расой. Скорее, их основной задачей было описание и систематизация “народов” на основе языка и обычаев (см.: *Vermeulen* 2015; *Slezkine* 1994a). Начиная с 1770-х годов расовые идеи спорадически появляются в русской печати. Однако чаще всего это переводы западных текстов или, как в случае критики Иваном Болтиным идей Леклера, обсуждение работ иностранцев¹⁷. Слово “раса” в этих ранних текстах не используется, как правило, его заменяет “племя” — термин, имеющий широкий спектр значений, которые нельзя безоговорочно отождествлять с современным пониманием расы.

В 1830–1840-е годы заметен рост интереса к изучению человеческого разнообразия, особенно в пределах Российской империи. Наиболее явным проявлением этого стало формирование этнографии как отдельной дисциплины, что вылилось прежде всего в создание соответствующего отделения в рамках Императорского Русского географического общества (ИРГО). Через год после его основания в 1845 г. этнографам были предложены два различных, хотя и не несовместимых представления о задачах этой науки. И то, и другое учитывало проблему расы, но каждое по-своему. Надеждин, опиравшийся на шеллинговский идеализм, видел физические различия как один из элементов более общего набора черт, составляющих отличительный характер отдельного народа, называемого им “народностью”. Надеждин не возражал против приписывания народам эссенциалистских характеристик, включающих как физический облик, так и то, что мы сегодня называем чертами культуры. Он выделял два фактора, объясняющих различия: во-первых, окружающая среда, или, по его выражению, “географические особенности местопребывания”, во-вторых, наследственность, “генеалогические особенности происхождения” (*Надеждин* 1847: 160–161). Надеждин лишь отметил тот факт, что физические характеристики наследуются и могут служить отличительными признаками народов. Например, калмыки не утрачивают характерных черт, хотя и живут вдали от своей прародины. Основатель эмбриологии Карл фон Бэр, получивший немецкое образование в традициях Канта и Блюменбаха и начавший карьеру на службе прусского короля, напротив, недвусмысленно выделял биологические характеристики в качестве основного фактора, определяющего характер и способности рас. К примеру, он предполагал, что в сфере религии “самые возвышенные и наиболее распространенные” формы культа появились у народов кавказского или индоевропейского происхождения, в то время как “человек с цветной кожей, будь она черная, красная или оливковая, нигде не распространил своей религии на другие племена, но часто принимал от них образ богопочитания”. Схожим образом, по Бэру, обстояли дела в об-

ласти гражданской и политической жизни: “Организованную республику и умеренную монархию находим только в племенах индоевропейского происхождения. Племя же негров нигде не представляет, по крайней мере в новейшее время, ни обширного государства, ни высокой степени образованности” (Бэр 1846: 81–82). Так же как характер и поведение различных видов животных предопределены их физическим строением — травоядные не едят животных в силу строения своего желудка, а хищники не живут стадами, так и интеллектуальные способности человека, с точки зрения зоологов, являются продуктом различных физических характеристик, в особенности строения головы.

Бэр был ключевой фигурой в становлении физической антропологии в России, несмотря на то что так и не овладел в совершенстве русским языком и оставался главным образом в орбите немецкой науки. В качестве хранителя Анатомического кабинета он создал первую в России антропологическую коллекцию (в основном черепов), а также лабораторию сравнительной анатомии. Однако после выступления Бэра в ИРГО его идеи относительно расы претерпели заметные изменения. В частности, в своей монографии 1851 г. о естественной истории человечества он отказался от утверждения, согласно которому врожденные морфологические черты определяют характер и способности человеческих популяций, и подчеркнул способность среды и географического окружения преобразовать биологические виды (Бэр 1851)¹⁸. Хотя Бэр продолжал заниматься краниологией и расширять свои анатомические коллекции в Кунсткамере, он скептически относился к способности определять расу, национальность и происхождение при помощи краниологических данных¹⁹. Скептицизм Бэра относительно расы как аналитического понятия разделяли его коллеги и последователи, в частности Леопольд Шренк, Анатолий Богданов и Дмитрий Анучин (Knight 2017: 113–114). Таким образом, существование в России физической антропологии само по себе не следует считать признанием расовой идеологии.

Если Бэр отказался от расового детерминизма, то некоторые его современники, напротив, стремились, опираясь на европейскую расовую науку, применять ее методы в Российской империи. В 1860-е годы видные российские интеллектуалы — от Николая Добролюбова и Афанасия Шапова до Степана Ешевского, Ильи Березина, Ильи Мечникова и др. — стали использовать в своих работах расовую теорию (см.: Тольц 2012; Холл 2012). Сам термин “раса” впервые появился в русском словаре в 1859 г. и в течение следующего десятилетия вошел в обиход наряду с ранее существовавшими понятиями “порода” и — в некоторых случаях — “племя” (Холл 2012: 229)²⁰. Фактически именно в 1850–1860-е годы интерес к расе в России достиг критической массы и приобрел черты самостоятельного и устойчивого научного дискурса.

Эти хронологические наблюдения указывают на важность периода, начавшегося в 1860-е годы и явившегося моментом резонанса, который оставил свой отпечаток на характере и границах расового дискурса в России. Западноевропейские концепции расы были продуктом эпохи Просвещения и того, что мы могли бы назвать “линнеевским периодом” в развитии естествознания. Создание расовых классификаций и иерархий было неотъемлемой частью усилий, направленных на включение природного мира в объяснительную сетку или матрицу, определяющую не только основные черты каждой единицы, но и ее отношение к стоящим выше в классификационной иерархии видам и родам. Иерархия и дифференциация, таким образом, были внутренне присущи западноевропейской концепции расы с самого начала. Однако к последним десятилетиям XVIII в. научная методология начала уходить от статичных таксономий к изучению внутренних структур и процессов органических изменений во времени. Именно в этом контексте складывается общеевропейский дискурс о национальности, или народности — в российском случае. Народность и сложившаяся вокруг нее область этнографии фокусировались на частном — на по-

иске различий и идентичности, основанных на совокупности отличительных черт, — а не на глобальной иерархии рас, определяемых через физические характеристики.

Подъем философского материализма, начавшийся в 1840-е годы и наиболее ярко выразившийся в российском нигилизме 1860-х годов, добавил новые методы изучения этнического многообразия, но оставил неизменным упор на партикулярное. Представители новой науки, безусловно, разделяли позитивистский этос, в соответствии с которым прогресс человечества виделся в накоплении фактического знания, основанного на объективных измерениях. Именно в контексте этой эры позитивизма и материализма в России появляется физическая антропология и укореняется концепция расы. Для ученых этого периода вопросы идентичности и исторического развития в целом главенствовали над потребностью в универсальной иерархии. Таким образом, момент резонанса, в который расовый дискурс завоевал популярность в России, не слишком способствовал компаративистским подходам к расе, подразумевавшим врожденное превосходство или неполноценность целых групп.

* * *

Я надеюсь, что приведенные выше соображения достаточны для освещения сложностей в отношении понятия расы, с которыми сталкиваются историки вообще и историки России в частности. Принимая во внимание нестабильность и расплывчатость представлений о расе, для оценки их наличия и влияния недостаточно рассматривать только расовую риторику. Поэтому я указал на важность прослеживания функций расы, даже если это означает, что мы должны опираться на априорные предположения о том, чем эти функции являются. Также я считаю важным выделять типы или уровни расовых идей, чтобы учитывать не только их наличие или отсутствие, но и формы, и степени, в которых эти идеи проявлялись.

Мало кто будет спорить с тем, что расовые понятия играли определенную роль в истории Российской империи. Тем не менее устойчивый и связный дискурс о расе стал формироваться только после смерти Николая I (1855 г.). Кроме того что раса была предметом исследования физической антропологии, сравнительной анатомии и других научных областей, она имела прикладное значение главным образом на периферии — в Средней Азии, на Дальнем Востоке, на Кавказе; в более сложном виде концепт расы использовался применительно к еврейскому населению империи. Тем не менее у дискурса о расе в России были свои характерные особенности, отличающие его от более привычных расовых идеологий Европы и Северной Америки: отсутствие глубоко укоренившейся культурной антипатии по отношению к расовому смешению и метисации; слабая распространенность, если не полное отсутствие, полигенизма как теории происхождения человечества; принятие, как показал Д. Тоудз, дарвиновской теории эволюции за исключением положения о “борьбе за существование”; отсутствие широкого распространения социального дарвинизма в интерпретации исторического развития; сравнительная проницаемость расовых границ, благодаря которой раса обычно не считалась непреодолимым барьером для продвижения индивидов и прогресса народов. Русские в имперский период своей истории не менее своих иностранных современников были озабочены идентификацией различий. Однако чаще всего эта идентификация происходила при помощи комплекса черт, среди которых физические признаки были лишь одним из компонентов. Я полагаю, что, только рассматривая расовое мышление в этом широком контексте представлений о различиях, мы можем прийти к более ясному пониманию того, как русские имперского периода воспринимали “других”.

Примечания

¹ Англоязычная литература об этничности в Российской империи и Советском Союзе слишком многочисленна, чтобы составить полный список. Большая часть работ вышла на волне изучения национальностей, поднявшейся вслед за распадом СССР в 1990-е годы (см.: *Slezkine* 1994b, 1994c; *Kappeler* 2001; *Hirsch* 2005; *Geraci* 2001; *Weeks* 1996; *Miller* 2008).

² Этому процессу посвящен прекрасный документальный фильм Питера Миллера “Отдельный класс” (*A Class Apart*). <http://www.pbs.org/wgbh/americanexperience/features/introduction/class-introduction/?flavour=full>

³ Об арийских теориях см.: *Laruelle* 2005; *Poliakov* 1974; *Benes* 2008; о смешении расы и языка в Северной Америке см.: *Harvey* 2015.

⁴ Наложение расовых делений на европейские нации см: *Baum* 2006.

⁵ Данное различие вертикального и горизонтального типов социальной идентификации частично основывается на анализе аграрного общества Эрнстом Геллнером (*Gellner* 2006: 9–13). Я, однако, не склонен принимать его жесткую диахронную типологию, согласно которой горизонтальный тип преобладает в аграрных обществах, а вертикальный — в индустриальных. Мне кажется, что, скорее, оба типа продолжают существовать в индустриальном и постиндустриальном обществах и могут быть использованы для синхронной типологии идентичностей.

⁶ Примеры того, как неоламаркизм использовался для подтверждения утверждений о социальной дегенерации, см.: *Beer* 2008.

⁷ О Центральной Азии как колонии см.: *Sahadeo* 2007.

⁸ Интерес Надеждина к физической антропологии подробно обсуждается в статье автора (см.: *Knight* 2009).

⁹ Обзор дискуссии об “истоках” расизма см.: *Vaughan* 1995.

¹⁰ О домашних театрах при крепостном праве см.: *Wirtschaft* 2003; *Stites* 2005; *Smith* 2008. Джон Рандольф описывает интересную инверсию практики изображения крепостными аристократов, когда семья помещика играет крестьян в пьесе своего собственного сочинения (*Randolph* 2007).

¹¹ Исключением из этого, возможно, будет отмеченное Ричардом Вортманом стремление российских монархов использовать представления об иностранном завоевании для обоснования своей власти (*Wortman* 1994).

¹² Воспоминания Никитенко первоначально были опубликованы в “Русской старине” под названием “Повесть о самом себе” между 1888 и 1891 гг. Другую историю, характеризующую сложность выхода из крепостной зависимости, см.: *Brower, Layton* 2005.

¹³ Фактически большая часть недавних дискуссий о расе в Северной и Южной Америке прослеживает доколониальные европейские корни расизма. См., к примеру, статьи Р. Блекберна (R. Blackburn), А.Т. и В.М. Вон (A.T. Vaughan, V.M. Vaughan), Д.Х. Свита (J.H. Sweet) из специального выпуска журнала: *William and Mary Quarterly*. 1997. Vol. 54. No. 1.

¹⁴ Nicholas Hudson предлагает интересный обзор развития расизма в XVIII в. (*Hudson* 1996).

¹⁵ Тем не менее Лейбниц был сторонником идеи единого происхождения человека, он отменял роль разума как уникального качества, присущего всем людям.

¹⁶ См., например, обсуждение Дж. Стокингом Ж.-Л. Кювье в его “Французской антропологии в 1800 г.”: *Stocking* 1968.

¹⁷ О Болтине см.: *Холл* 2012: 204–205. Отрывок из Болтина, который цитирует Холл, звучит скорее как общие размышления об этноистории, чем как нечто похожее на расу в современном значении.

¹⁸ Описание отхода Бэра от расового детерминизма см.: *Knight* 2017.

¹⁹ К примеру, см. отчет Бэра о краниологических коллекциях 1859 г.: *Бэр* 1859.

²⁰ Холл приводит два словаря иностранных терминов: “Объяснение 1000 иностранных слов, употребляющихся в русском языке” (М., 1859) и “Объяснительный словарь иностранных слов, употребляющихся в русском языке” (СПб., 1859). Термин “раса” также появляется в “Русско-немецком словаре”, изданном в 1859 г. в Риге.

Научная литература

Бэр К.М. Об этнографических исследованиях вообще и в России в особенности // Записки Русского географического общества. 1846. Кн. 1. С. 93–115.

- Бэр К.М. Человек в естественно-историческом отношении (Из сочинения “Русская фауна” Ю. Симашко). СПб.: Тип. Вингебера, 1851.
- Бэр К.М. Известия о собрании черепов разных народов в Санкт-Петербургской Академии наук // Русский вестник. 1859. Т. 22. С. 26–28.
- Вишленкова Е. Визуальное народоведение империи, или “Увидеть русского дано не каждому”. М.: НЛО, 2011.
- Могильнер М. Homo Imperii: история физической антропологии в России (конец XIX — начало XX вв.). М.: НЛО, 2008.
- Надеждин Н.И. Об этнографическом изучении народности русской // Записки Русского географического общества. 1847. Кн. 2. С. 61–115.
- Тольц В. Дискурсы о расе: имперская Россия и Запад в сравнении // “Понятия о России”: к исторической семантике имперского периода. Т. 2 / Ред. Д. Сдвижков, И. Ширле. М.: НЛО, 2012. С. 145–193.
- Холл К. “Расовые признаки коренятся глубже в природе человеческого организма”: неуправляемое понятие расы в Российской империи // “Понятия о России”: к исторической семантике имперского периода. Т. 2 / Ред. Д. Сдвижков, И. Ширле. М.: НЛО, 2012. С. 194–258.
- Baum B.D. The Rise and Fall of the Caucasian Race: A Political History of Racial Identity. N.Y.: New York University Press, 2006.
- Beer D. Renovating Russia: The Human Sciences and the Fate of Liberal Modernity. Ithaca: Cornell University Press, 2008.
- Benes T. In Babel’s Shadow: Language, Philology, and the Nation in Nineteenth-Century Germany. Detroit: Wayne State University Press, 2008.
- Brower D.R., Layton S. Liberation through Captivity: Nikolai Shipov’s Adventures in the Imperial Borderlands // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2005. Vol. 6. No. 2. P. 259–279.
- Deniker J. Race. Anthropologie // La Grande Encyclopédie. Paris: Henri Lamirault, 1886–1902. Т. 28. P. 12–26.
- Gellner E. Nations and Nationalisms. Ithaca: Cornell University Press, 2006.
- Geraci R.P. Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia. Ithaca: Cornell University Press, 2001.
- Gossett T.F. Race: The History of an Idea in America. N.Y.: Oxford University Press, 1997.
- Harvey S. Native Tongues: Colonialism and Race from Encounter to the Reservation. Cambridge: Harvard University Press, 2015.
- Hirsch F. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge & the Making of the Soviet Union. Ithaca: Cornell University Press, 2005.
- Hudson N. From “Nations” to “Races”: The Origins of Racial Classification in Eighteenth Century Thought // Eighteenth Century Studies. 1996. Vol. 29. No. 3. P. 247–264.
- Kappeler A. The Russian Empire: A Multiethnic History. Harlow: Pearson Education, 2001.
- Knight N. Seeking the Self in the Other: Ethnographic Studies of Non-Russians in the Russian Geographical Society, 1845–1860 // Defining Self: Essays on Emergent Identities in Russia, Seventeenth to Nineteenth Centuries / Ed. M. Branch. Helsinki: Finnish Literature Society, 2009. P. 117–138.
- Knight N. Ethnography and the Visual Arts in the 1840s and 1850s // Visualizing Russia: Fedor Solntsev and Crafting a Russian National Past / Ed. C.H. Whittaker. Leiden: Brill Academic Publishers, 2010. P. 121–144.
- Knight N. Geography, Race and the Malleability of Man: Karl von Baer and the Problem of Academic Particularism in the Russian Human Sciences // Centaurus: An International Journal of the History of Science and its Cultural Aspects. 2017. Vol. 59. No. 1–2. P. 97–121.
- Kolchin P. Unfree Labor: American Slavery and Russian Serfdom. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1987.
- Laruelle M. Mythe aryen et rêve impérial dans la Russie du XIXe. Paris: CNRS Editions, 2005.
- Livingstone D.N. Adam’s Ancestors: Race, Religion, and the Politics of Human Origins. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2008.
- Miller A. The Romanov Empire and Nationalism: Essays in the Methodology of Historical Research. Budapest: Central European University Press, 2008.
- Morrissey R. (ed.) ARTFL Encyclopédie // University of Chicago: 2013 ed. Vol. 13. <http://encyclopedia.uchicago.edu>
- Nikitenko A. Up from Serfdom My Childhood and Youth in Russia 1804–1824. New Haven: Yale University Press, 2001.
- Poliakov L. The Aryan Myth: A History of Racist and Nationalist Ideas in Europe. N.Y.: Basic Books Inc. Publishers, 1974.

- Randolph J.* The House in the Garden: The Bakunin Family and the Romance of Russian Idealism. Ithaca: Cornell University Press, 2007.
- Sahadeo J.* Russian Colonial Society in Tashkent, 1865–1923. Bloomington: Indiana University Press, 2007.
- Shell S.M.* Kant's Conception of a Human Race // *The German Invention of Race* / Ed.S. Eigen, M. Larrimore. Albany: State University of New York Press, 2006.
- Slezkine Y.* Naturalists vs Nations: Eighteenth Century Russian Scholars Confront Ethnic Diversity // *Representations*. 1994a. No. 47. P. 170–195.
- Slezkine Y.* Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North. Ithaca: Cornell University Press, 1994b.
- Slezkine Y.* The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism. *Slavic Review*. 1994c. Vol. 53. No. 2.
- Smith D.* The Pearl: A True Tale of Forbidden Love in Catherine the Great's Russia. New Haven: Yale University Press, 2008.
- Stites R.* Serfdom, Society, and the Arts in Imperial Russia: The Pleasure and the Power. New Haven: Yale University Press, 2005.
- Stocking G.* French Anthropology in 1800 // *Stocking G.* Race, Culture and Evolution: Essays in the History of Anthropology. Chicago: University of Chicago Press, 1968. P. 13–41.
- Stoler A.L.* Racial Histories and Their Regimes of Truth // *Race Critical Theories: Text and Context* // Ed. P. Essed, D.T. Goldberg. Malden: Blackwell Publishers, 2002. P. 372–375.
- Sunderland W.* Russian into Yakuts? "Going Native" and Problems of Russian National Identity in the Siberian North, 1870–1914 // *Slavic Review*. 1996. No. 4. P. 807–825.
- Vaughan A.T.* Roots of American Racism Essays on the Colonial Experience. N.Y.: Oxford University Press, 1995.
- Vermeulen H.* Before Boas: The Genesis of Ethnography and Ethnology in the German Enlightenment. Lincoln: University of Nebraska Press, 2015.
- Weeks T.R.* Nation and State in Late Imperial Russia: Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863–1914. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1996.
- Weitz E.D.* Racial Politics without the Concept of Race: Reevaluating Soviet Ethnic and National Purges // *Slavic Review*. 2002. Vol. 61. No. 1. C. 1–29.
- Wirtschafter E.K.* The Play of Ideas in Russian Enlightenment Theater. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2003.
- Wortman R.* Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. I. Princeton: Princeton University Press, 1994.
- Zammito J.H.* Policing Polygeneticism in Germany, 1775: Kames, Kant, and Blumenbach // *The German Invention of Race* / Ed.S. Eigen, M. Larrimore. Albany: State University of New York Press, 2006.
- Zamoyski A.* The Polish Way: A Thousand Year History of the Poles and their Culture. N.Y.: Franklin Watts, 1988.

Research Article

Knight, N. What Do We Mean When We Talk about Race? Methodological Reflections on the Theory and Practice of Race in Imperial Russia [Chto my imeem v vidu, govoria o rase? Metodologicheskie razmyshleniia o teorii i praktike rasy v Rossiiskoi imperii]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2019, no. 2, pp. 114–132. <https://doi.org/10.31857/S086954150004877-4> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Nathaniel Knight | <https://orcid.org/0000-0001-8065-4044> | Nathaniel.Knight@shu.edu | Seton Hall University (South Orange, NJ 07079, USA)

Keywords

race, Imperial Russia, concepts of diversity, ethnicity, history of anthropology, serfdom

Abstract

The phenomenon of race has not often figured prominently in discussions of Russian cultural, social and imperial history. In recent years, however, articles and books have appeared raising the issue and

arguing for the importance of race in Russian understandings of human diversity. Insufficient attention has been paid, however, to the epistemological challenges posed by the concept of race. The present article explores these challenges and the difficulties of arriving at a clear and consistent definition. The author proposes a conceptual framework for situating the concept of race in relation to other modes of describing human diversity and determining the degree to which racial thinking shapes a given cultural milieu. On the basis of this conceptual framework, the author considers the phenomenon of race in the Russian Empire, highlighting several significant factors that may have impeded the formation of a strongly articulated discourse of race.

References

- Baum, B.D. 2006. *The Rise and Fall of the Caucasian Race: A Political History of Racial Identity*. New York: New York University Press.
- Beer, D. 2008. *Renovating Russia: The Human Sciences and the Fate of Liberal Modernity*. Ithaca: Cornell University Press.
- Benes, T. 2008. In *Babel's Shadow: Language, Philology, and the Nation in Nineteenth-Century Germany*. Detroit: Wayne State University Press.
- Ber, K. 1846. Ob etnograficheskikh issledovaniiax voobshche i v Rossii v osobennosti [About Ethnographic Research in General and in Russia in Particular]. *Zapiski Russkogo geograficheskogo obshchestva* 1: 93–115.
- Ber, K.M. 1851. *Chelovek v estestvenno-istoricheskom otnoshenii (Iz sochineniia "Russkaia fauna" Yu. Simashko)* [Man from the Point of View of Natural History]. St. Petersburg: Tipografiia Vingebera.
- Ber, K.M. 1859. Izvestiia o sobranii cherepov raznykh narodov v Sankt-Peterburgskoi Akademii nauk [A Report about the Collection of Skulls of Different Peoples in Saint-Petersburg Academy of Sciences]. *Russkii vestnik* 22: 26–28.
- Brower, D.R., and S. Layton. 2005. Liberation Through Captivity: Nikolai Shipov's Adventures in the Imperial Borderlands. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 6 (2): 259–279.
- Deniker, J. 1886–1902. Race. Anthropologie. In *La Grande Encyclopédie* [The Grand Encyclopedia] 28: 12–26. Paris: Henri Lamirault.
- Gellner, E. 2006. *Nations and Nationalisms*. Ithaca: Cornell University Press.
- Geraci, R.P. 2001. *Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia*. Ithaca: Cornell University Press.
- Gossett, T.F. 1997. *Race: The History of an Idea in America*. New York: Oxford University Press.
- Harvey, S. 2015. *Native Tongues: Colonialism and Race from Encounter to the Reservation*. Cambridge: Harvard University Press.
- Hirsch, F. 2005. *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge & the Making of the Soviet Union*. Ithaca: Cornell University Press.
- Hudson, N. 1996. From "Nations" to "Races": The Origins of Racial Classification in Eighteenth Century Thought. *Eighteenth Century Studies* 29 (3): 247–264.
- Kappeler, A. 2001. *The Russian Empire: A Multiethnic History*. Harlow: Pearson Education.
- Kholl, K. 2012. "Rasovye priznaki koreniatsia glubzhe v prirode chelovecheskogo organizma": neulovimoe poniatie rasy v Rossiiskoi imperii ["Racial Characteristics are Rooted Deeper in the Nature of the Human Organism": The Elusive Concept of Race in the Russian Empire]. In *Poniatiiia o Rossii: k istoricheskoi semantike imperskogo perioda* ["Concepts about Russia": Towards a Historical Semantics of the Imperial Period], edited by D. Sdvizhkov and I. Shirle, 2: 194–258. Moscow: NLO.
- Knight, N. 2009. Seeking the Self in the Other: Ethnographic Studies of Non-Russians in the Russian Geographical Society, 1845–1860. In *Defining Self: Essays on Emergent Identities in Russia, Seventeenth to Nineteenth Centuries*, edited by M. Branch, 117–138. Helsinki: Finnish Literature Society.
- Knight, N. 2010. Ethnography and the Visual Arts in the 1840s and 1850s. In *Visualizing Russia: Fedor Solntsev and Crafting a Russian National Past*, edited by C.H. Whittaker, 121–144. Leiden: Brill Academic Publishers.
- Knight, N. 2017. Geography, Race and the Malleability of Man: Karl von Baer and the Problem of Academic Particularism in the Russian Human Sciences. In *Centaurus: An International Journal of the History of Science and Its Cultural Aspects* 59 (1–2): 97–121.
- Kolchin, P. 1987. *Unfree Labor: American Slavery and Russian Serfdom*. Cambridge: Harvard University Press.
- Laruelle, M. 2005. *Mythe aryen et rêve impérial dans la Russie du XIXe siècle* [Arian Myth and Imperial Dreams in the 19th Century Russia]. Paris: CNRS Editions.

- Livingstone, D.N. 2008. *Adam's Ancestors: Race, Religion, and the Politics of Human Origins*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Miller, A. 2008. *The Romanov Empire and Nationalism: Essays in the Methodology of Historical Research*. Budapest: Central European University Press.
- Mogilner, M. 2008. Homo Imperii: istoriia fizicheskoi antropologii v Rossii (konets XIX — nachalo XX vv.) [Homo Imperii: A History of Physical Anthropology in Russia (Late 19th — Early 20th Centuries)]. Moscow: NLO.
- Morrissey, R., ed. 2013. ARTFL Encyclopédie. Vol. 13. University of Chicago. <http://encyclopedia.uchicago.edu>
- Nadezhdin, N.I. 1847. Ob etnograficheskom izuchenii narodnosti russkoi [About the Ethnographical Study of the Russian nationality]. *Zapiski Russkogo geograficheskogo obshchestva* 2: 61–115.
- Nikitenko, A. 2001. *Up from Serfdom My Childhood and Youth in Russia 1804–1824*. New Haven: Yale University Press.
- Poliakov, L. 1974. *The Aryan Myth: A History of Racist and Nationalist Ideas in Europe*. New York: Basic Books Inc. Publishers.
- Randolph, J. 2007. *The House in the Garden: The Bakunin Family and the Romance of Russian Idealism*. Ithaca: Cornell University Press.
- Sahadeo, J. 2007. *Russian Colonial Society in Tashkent, 1865–1923*. Bloomington: Indiana University Press.
- Shell, S.M. 2006. Kant's Conception of a Human Race. In *The German Invention of Race*, edited by S. Eigen and M. Larrimore. Albany: State University of New York Press.
- Slezkine, Y. 1994. Naturalists vs Nations: Eighteenth Century Russian Scholars Confront Ethnic Diversity. *Representations* 47: 170–195.
- Slezkine, Y. 1994. *Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North*. Ithaca: Cornell University Press.
- Slezkine, Y. 1994. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism. *Slavic Review* 53 (2): 414–452.
- Smith, D. 2008. *The Pearl: A True Tale of Forbidden Love in Catherine the Great's Russia*. New Haven: Yale University Press.
- Stites, R. 2005. *Serfdom, Society, and the Arts in Imperial Russia: The Pleasure and the Power*. New Haven: Yale University Press.
- Stocking, G. 1968. French Anthropology in 1800. In *Race, Culture and Evolution: Essays in the History of Anthropology*, by G. Stocking, 13–41. Chicago: University of Chicago Press.
- Stoler, A.L. 2002. Racial Histories and Their Regimes of Truth. In *Race Critical Theories: Text and Context*, edited by P. Essed and D.T. Goldberg, 372–375. Malden: Blackwell Publishers.
- Sunderland, W. 1996. *Russian into Yakuts? "Going Native" and Problems of Russian National Identity in the Siberian North, 1870–1914*. *Slavic Review* 4: 807–825.
- Tolts, V. 2012. Diskursy o rase: imperskaia Rossiia i Zapad v sravnenii [Discourses of Race: Imperial Russia and the West in Comparison]. In *"Poniatiia o Rossii": k istoricheskoi semantike imperskogo perioda* ["Concepts about Russia": Towards a Historical Semantics of the Imperial Period], edited by D. Sdvizhkov and I. Shirle, 2: 145–193. Moscow: NLO.
- Vaughan, A.T. 1995. *Roots of American Racism Essays on the Colonial Experience*. New York: Oxford University Press.
- Vermeulen, H. 2015. *Before Boas: The Genesis of Ethnography and Ethnology in the German Enlightenment*. Lincoln: University of Nebraska Press.
- Vishlenkova, E. 2011. *Vizual'noe narodovedenie imperii, ili "Uvidet' russkogo dano ne kazhdomu"* [The Visual Ethnography of Empire or, "Not Everyone is Able to See a Russian"]. Moscow: NLO.
- Weeks, T.R. 1996. *Nation and State in Late Imperial Russia: Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863–1914*. DeKalb: Northern Illinois University Press.
- Weitz, E.D. 2002. Racial Politics without the Concept of Race: Reevaluating Soviet Ethnic and National Purges. *Slavic Review* 61 (1): 1–29.
- Wirtschafter, E.K. 2003. *The Play of Ideas in Russian Enlightenment Theater*. DeKalb: Northern Illinois University Press.
- Wortman, R. 1994. *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy*. Vol. I. Princeton: Princeton University Press.
- Zammito, J.H. 2006. Policing Polygeneticism in Germany, 1775: Kames, Kant, and Blumenbach. In *The German Invention of Race*, edited by S. Eigen and M. Larrimore. Albany: State University of New York Press.
- Zamoyski, A. 1988. *The Polish Way: A Thousand Year History of the Poles and Their Culture*. New York: Franklin Watts.